

Екатерина **ВИЛЬМОНТ**

Девственная селедка

A • S • T

Екатерина Николаевна Вильмонт

Девственная селедка

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=180614
Девственная селедка: АСТ, Астрель; Москва; 2009
ISBN 978-5-17-059237-1, 975-5-271-23805-5

Аннотация

Какие странные штуки иной раз устраивает жизнь! Журналист Родион Шахрин, собираясь в отпуск на греческий остров Корфу, даже предположить не мог, в какой попадет переплет! Внезапная и, похоже, безнадежная любовь вынуждает закоренелого холостяка поступиться своими принципами. Но стоит ли игра свеч?

Содержание

Часть первая	4
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Екатерина Вильмонт

Девственная селедка

Часть первая

В самолете Платону приснилась Ева. Нет, не прамаменька, а вполне реальная девушка Ева, которая когда-то, очень давно, вдруг ни с того ни с сего куда-то исчезла. Бросила его. Он тогда был вне себя, не столько от горя, сколько от досады. Как она могла? Женщины, как правило, не бросали его, ни до, ни после. Вероятно, поэтому она и запомнилась ему. Но уже много лет он не вспоминал о ней. К чему бы этот сон? Интересно, а я узнал бы ее при встрече? Вряд ли... В ней, кроме имени и вполне отвечающей имени женственности, пожалуй, ничего особенного не было. А впрочем, где мне ее встретить? И вообще, в моем возрасте, с одной стороны, еще рано предаваться воспоминаниям о девчонках, а с другой... с другой стороны, надо думать о делах. Он попросил стюардессу принести коньяку, открыл лэптоп, и прежде чем погрузиться в работу – необходимо еще раз проверить все позиции, завтра предстоят весьма важные переговоры в Детройте – как-то весело подумал: Теперь она в своем возрасте наверняка зовется по имени-отчеству: Ева... черт, не помню ее отчества, а может и не знал никогда... Ева Ива-

новна? Ева Петровна? Нет, лучше Ева Сидоровна! Это круто!

2007 год. Остров Корфу

– Спорим, Родька на нее западет! – сказал Олег Васильевич жене.

– Вряд ли, – отозвалась та. – Хотя, она вполне.

Объектом их обсуждения была женщина, расположившаяся неподалеку. Появившись в отеле два дня назад, она привлекла всеобщее внимание. По крайней мере все, с кем супруги Долговы успели познакомиться, почему-то говорили об этой женщине. Она была одна, но общества явно не искала. Что она русская, выяснилось лишь потому, что на пляже читала русскую книгу. А поскольку остров был маленький, достопримечательности быстро исчерпались, то загадочная незнакомка была неплохой пищей для пересудов.

– Она ждет мужика, – определила жена Олега Васильевича. – Посмотришь, через день-другой он тут объявится.

– Почему ты так думаешь, Вавочка?

– Потому что даже на пляж таскает с собой мобильник.

– Ну и что? Просто деловая женщина.

– Ерунда, может, и деловая, но ждет мужика, потому и держится особняком. А что касается Родьки, то он предпочитает молоденьких. И потом, он же не один прилетит. Кстати, я не уверена, что это была удачная мысль.

– Ты о чем?

– Откуда мы знаем, что за бабу он привезет... Она может испортить нам весь отдых.

– Вавочка, мы не позволим! Да и надо знать Родьку. Если что не так, он живо отправит девушку восвояси. И приударит за незнакомкой. Она в его вкусе. Куда это ты смотришь?

У выхода на пляж стоял молодой человек лет двадцати, сложенный, как молодой бог. Он озирал пляж, явно кого-то ища. Но не находил. Раздраженно повел плечами, а потом сложил руки рупором и во весь голос гаркнул:

– Лали!

– Идиот, разве можно так орать! – поморщилась Вавочка. Парень вдруг сорвался с места, вбежал в воду, и поплыл к буйкам.

– Ну, что я говорила! – с торжеством воскликнула Вавочка. – Этот красавец приехал к ней! Смотри! Смотри!

Олег Васильевич посмотрел по направлению ее взгляда. Незнакомка висела на буйке, отдыхая после дальнего заплыва. Парень подплыл к ней, она обняла его, стала целовать.

– Ничего себе... Он ей в сыновья годится...

– Да нет, ей от силы года тридцать два – тридцать три. Это как пить дать любовник! Завидуешь? – засмеялся Олег Васильевич.

– Если тут кто и завидует, так это ты... Тебе такие бабы нравятся...

– А вот и нет, не люблю худых, мне надо, чтобы было за что подержаться, вот как у моей Вавочки...

И он огладил жену по круглому колену.

– А Родька точно западет.

– Но в сравнении с этим юным Адонисом...

Между тем юный красавец на руках вынес женщину из воды. Вид у нее был сияющий.

– Вавочка, сторишь, перевернись. И хватит пялиться. Дай-ка мне часы! Ого! Я побежал в душ, а ты приходи через четверть часа, если хочешь ехать в аэропорт. А то может не стоит? Я и один их встречу.

– Пожалуй, я не поеду. Девушка Родьки не даст вам загулять. Здешний аэропорт не слишком волнующее место, я лучше позагораю.

Олег Васильевич обрадовался. Круглосуточное общение с женой несколько утомляло, хоть он любил ее всем сердцем.

Едва Олег Васильевич ушел, как к Вавочке подошла дама, с которой они познакомились позавчера на экскурсии.

– Видали?

– Ая была убеждена, что она кого-то ждет. Дождалась! – не без зависти вздохнула Вавочка.

– А мне ее даже жалко.

– Почему?

– Романы с мальчиками всегда плохо кончаются.

– Ах боже мой, а какие романы хорошо кончаются? И что такое хороший конец романа? Брак?

– Тоже верно, – засмеялась дама. – Хотя брак наверное предпочтительнее разрыва, особенно, если инициатива его

принадлежит мужчине. А в данном случае так и будет... Как вы думаете, Вава, почему она с такой идеальной фигурой всегда в закрытых купальниках и только в черных?

– Ну мало ли... может, у нее шрамы какие-нибудь.

Между тем молодой человек сбегал к пляжному бару и принес себе и незнакомке по имени Лали по коктейлю.

– Похоже, «Кровавая Мэри», – заметила дама, которую звали Антонина Антоновна.

– Грамотный выбор! – отозвалась Вавочка.

– Почему?

– Потому что жарко. А от «Кровавой Мэри» в жару не развозит.

– Вы серьезно?

– Вполне.

– Вавочка! – позвал ее муж. – Хватит! Уходи с пляжа. Сторишь!

Олег Васильевич, уже одетый, махал ей рукой.

– Ой, и вправду пора! – засобирилась Вавочка.

Ей вдруг стало обидно, что Олег поедет в город без нее.

– Олежек, подожди меня десять минут, я с тобой! Вы там, небось, обедать пойдете, а мне тут одной скучно...

– Вавочка!

– Ну хорошо, езжай, – смилостивилась она. Ей было хорошо известно, что если муж настроился ехать один, не надо ему навязываться. Кроме раздражения это ничего не вызовет. – Ая лучше приму душ, посмотрю телевизор, поваляюсь

с книжечкой, может, посижу потом в баре...

Олег Васильевич облегченно вздохнул.

Взятый напрокат «форд» он оставил возле отеля. Поехал на такси, чтобы хоть выпить за встречу. Ведь сейчас прилетит друг, с которым не виделись бог знает сколько. Года два, наверное, хоть и живем в одном городе, черт, что за жизнь пошла, вздохнуть некогда.

Родиона он увидел сразу. Они обнялись.

– Привет, дружище. Сколько лет, сколько зим! А где твоя девушка?

– Нету девушки. И вообще, глупость сплошная ездить на отдых со своей девушкой, все равно что...

– В Тулу со своим самоваром? – засмеялся Олег Васильевич.

– Именно! А ты что, без самовара тут?

– Да нет, мой самовар всегда со мной, как бетховенский сурок. Но мой сурок очень умный, знает, что нельзя быть слишком деспотичным.

– Да, тебе повезло, братишка. Вавочка чудная баба. Ну что? Сразу в отель или кутнем маленько? Давно не видались...

– Кутнем, Родька, кутнем. Я нарочно на такси приехал. Выглядишь недурно.

– Да и ты, старичок, тоже еще о-го-го!

– Обменялись комплиментами! Поехали в город!

– Пристойный ресторан там есть?

– Пристойные они почти все, но не более.

– А нам более и не надо, подумаешь какие гурманы!

– Да, особенно если вспомнить студенческие пирушки.

– А я вот всегда вспоминаю пироги с грибами, которые пекла твоя бабушка...

– Вавочка печет не хуже.

– А она еще печет?

– Да, Родька, ты сколько у нас не был? Лет пять наверное?

– Так не звали же!

– Куда было звать, теща в параличе три с половиной года маялась... Не до пирогов было...

– Да я пошутил, Олежка. Прости.

– Ладно, проехали. А что братец твой?

– Сгинул. Переехал в Нью-Йорк и пропал. Даже в годовщину смерти мамы не позвонил. Не до нас ему, видно.

– Похвастаться нечем?

– Кто его знает... Может, наоборот... Да ну его... Расскажи лучше про дочку.

– О, Настя у нас удалась! Учится на отлично. Красавица. В следующем году кончает школу. Собирается во ВГИК поступать.

– А способности-то есть?

– Говорят, есть. А как ты, Родька?

– Вроде все путем... Слушай, а что за отель? Пляж близко?

– Пляж свой, хороший.

– А на пляже есть на кого посмотреть?

– Ну, это дело вкуса...

– Можно подумать, ты моих вкусов не знаешь...

– Вкусы меняются.

– Да нет...

– Есть одна, мы даже с Вавочкой поспорили, я сказал, ты на нее западешь, а она говорит, ты молоденьких любишь.

– Что за баба?

– Слушай, приедем, увидишь... Кстати, городок прелесть.

– Черт, что, так и будем с чемоданом таскаться? – сообщил Родион.

– Да, я как-то не подумал. А впрочем, есть одна идея.

– Внимаю!

– Я тут Вавочке шубку купил, дорогую, так хозяева как-то к нам прониклись, приглашали заходить... Попробуем у них оставить.

– Эх, хорошо, – воскликнул Родион, вылезая из такси.

По выщербленным мраморным плитам старинного городка, напоминавшего какие-то фильмы, они углубились в путь таницы узких романтических улочек.

– Ты тут уже ориентируешься? – спросил Родион. – Впрочем, ты всегда хорошо ориентировался.

В меховом магазине Олега узнали, с радостью согласились принять чемодан и даже предложили кофе с ликером из кумквата, местной гордости.

– Славные люди, – заметил Родион.

– Да, старик такой профи... Мы с Вавочкой только сунули туда нос, как он говорит: «Мадам, есть шуба специально для вас!» Снял с вешалки, Вавка ахнула, примерила – чудо! Как на заказ сшито! С одного взгляда... Я говорю, может еще в других магазинах посмотрим, а она ни в какую. Хочу эту! Так мы потом, уже купив, в другие магазины все-таки заглянули. Но ничего даже близко напоминающего эту шубу не увидели.

– Да, Олежек, ты, как это у классика говорилось: какой-то там «идеал московских всей мужей». Повезло Вавке!

– Знаешь, это мне повезло, старичок. Мне с ней легко.

– И на сторону не ходишь?

– Специально нет. Зачем? Но если подвернется что-то и можно без особого риска, то почему бы и нет...

– Ну да, пресловутая полигамия... – засмеялся Родион. – А что тут надо заказывать?

– Я лично обожаю мусаку.

– Это что-то с баклажанами, да?

– Да.

– Ну что ж, поскольку мы в Греции, будем есть мусаку и пить метаксу?

– Давай!

– А ты куда это смотришь, Олег?

– А тут эта бабенка...

– Какая?

– Не оглядывайся, неудобно.

– Какая бабенка? Объясни толком.

– Та, что я для тебя присмотрел. Но, боюсь, ты опоздал, она тут с молодым любовником.

– А ей сколько?

– Максимум тридцать три – тридцать четыре.

– А любовнику?

– Лет двадцать. Красавец...

– Тем интереснее будет отбить.

– Так ты ж ее еще не видел! – засмеялся Олег.

– Сейчас погляжу! – Родион встал и направился вглубь кафе – они сидели на террасе – в туалет. Через несколько минут он появился и рассеянным взглядом окинул террасу. Его как будто ударили под дых. С первого, мимолетного взгляда он понял, что это его женщина. Он любил эту чисто русскую красоту. Русые, гладко зачесанные волосы, прелестный овал чистого, нетронутого ботоксом и прочими мерзостями лица. Большие синие глаза, грустные и глубокие. И на лице явственно читалась любовь. Надо сказать, что и объект этой любви был хорош! Отобью! Во что бы то ни стало, отобью!

– Ну что?

– Недурна...

– Я все-таки выиграл пари?

– Какое еще пари? – рассеянно спросил Родион.

– С Вавочкой.

– ...Пожалуй, выиграл... А что ты выиграл?

– Торг!

– Ах да, ты же любишь сладкое...

– Обожаю, а Вавочка меня ограничивает. Слушай, а столь юный соперник тебя не смущает?

– Да где мальчишке со мной тягаться? Слушай, а как ее зовут?

– У нее красивое имя... Лали.

– Лали? Что это за имя?

– Не знаю...

– погоди, кажется, у Окуджавы что-то было... В темно-красном своем будет петь для меня моя Лали...

– Дали, старичок, Дали...

– Подумаешь! А для меня будет петь Лали...

– Ну ты самоуверенный тип!

– Хочешь пари, еще на тортик?

– Нет, Родя, я на такие вещи не спорю. Когда дело касается женщин, нет уж, уволь...

– Вот за что я люблю тебя, Олежек, так это за твою порядочность... В наше время это раритет. Давай-ка за это выпьем!

Родиону безумно хотелось оглянуться.

– Скажи, а что еще ты о ней знаешь?

– Да ничего практически. Приехала одна, парень появился только сегодня. Ходит все время в черном, даже купальники и те черные... Курит. Впрочем, это я только сейчас увидел. Отлично говорит по-немецки, я слышал на рецепшн.

– Но она русская?

– Да. На пляже читает русские книжки. А ты что, всерьез решил приударить за ней?..

– Да, знаешь ли... Она меня заинтриговала.

– Вот так, с первого взгляда, на выходе из сортира?

– Представь себе.

– Верю, ибо хорошо тебя знаю. Ты всегда быстро загорался... Но признайся, будь она тут одна, такого эффекта не было бы?

– Возможно, – улыбнулся Родион, а про себя произнес: «Был бы... Это моя женщина».

– Значит, хочешь разбить бедняжке сердце, отвадить от нее этого юного красавца, а потом бросить?

– Нет, – покачал головой Родион. – Я готов хоть завтра на ней жениться.

Олегу показалось, что он ослышался.

– Что ты сейчас сказал?

– Повторяю для глухих: Я... готов... на ней жениться. Хоть завтра.

– Ни фиги себе! – ахнул Олег. – А если она не клюнет на тебя?

– Почему это?

– Может, она и вправду любит этого мальчика?

– Разлюбит!

– А если она замужем и это просто курортный роман?

– Разведется.

– Глупые шутки, – рассердился вдруг Олег Васильевич.

– А я не шучу.

– Ладно, брось. Расскажи лучше, как твои дела?

– Какие?

– Работа твоя как?

– Работа? Нормально, как говорят нынче молодые, все пучком. Кстати, ты понимаешь, почему пучком?

– Понятия не имею. Это надо у нашей Насти спросить.

– А вы почему ее с собой не взяли?

– Так сентябрь же. В школе она.

– А с кем осталась?

– Одна.

– И ты не боишься?

– Да нет, она взрослая разумная девица.

– А парень у нее есть?

– Школьные мальчишки крутятся, но она их презирует.

– Черт, когда я ее видел последний раз, это был еще утенок, хоть и не гадкий, но все же...

– А теперь такая стала... Но хорошая... умная...

– лицо Олега расплылось от отцовской гордости.

– Но честолюбива – жуть! В кого, не пойму.

– Честолюбие штука полезная, в наше время особенно.

Олег Васильевич увидел, что Лали со своим красавцем поднялись и пошли к выходу. Юноша положил руку на плечо дамы.

– Уходят, – сказал Олег другу.

– Ничего, увидимся с ней в отеле. Слушай, а парень с ней

в одном номере?

– Откуда я знаю? Он только нынче утром появился. Но надо полагать...

– Ну, если она замужняя, должна жить отдельно. Иначе риск большой.

– Слушай, а может, она вдова? Потому и ходит в черном?

– Ну, значит она ханжа и сука. Носит траур и трахается с мальчишкой. Впрочем, траур можно носить и по отцу с матерью, хотя это нынче не модно. Олег, мы тут с тобой обедаем, а Вавочка?

– Ну, она тоже голодная не сидит.

– У нее уже есть там знакомые?

– Конечно, – ласково улыбнулся Олег Васильевич.

– Тогда знаешь что... Ты пока не говори Вавочке, что выиграл пари, а торт я тебе куплю. Не хочу пока никаких разговоров об этом, понимаешь?

– Согласен, – засмеялся Олег. – Но торт – это не обязательно.

– Обязательно! Там в номерах холодильники есть?

– В мини-баре.

– Вот и отлично. Поставим туда тортик и будем тайком его жрать и запивать текилой, я купил две бутылки в дьюти-фри. И оба расхохотались как мальчишки.

После обеда они еще пошлялись по городу и пошли за чемоданом.

Войдя в меховой магазин, они сразу увидели Лали. Она

стояла перед зеркалом в меховой жакетке, а юный любовник на диванчике пил кофе с ликером.

У Родиона екнуло сердце.

– Вам очень идет! – сказал он женщине.

– Спасибо! – рассеянно ответила она, занятая собственным отражением.

– Да, в самом деле, необыкновенно идет, – подтвердил Олег.

– О, мы, кажется, в одном отеле живем... – улыбнулась женщина. – А ваша жена тоже здесь?

– Нет, моей жене мы уже купили здесь шубу. Вот друг прилетел, мы тут оставили чемодан... Кстати, позвольте представиться, Олег... Родион, иди сюда...

Родион, уже с чемоданом, подошел.

– А это мой друг Родион.

Она посмотрела на него, потом слегка нахмурилась, словно что-то припоминая...

– А мы не встречались раньше? Хотя нет... я, видимо, ошиблась...

– Вы безусловно ошиблись, я бы никогда не мог забыть столь потрясающе красивую женщину.

– Лали! – она протянула руку.

Он поцеловал ее.

– Лали, можно тебя на минутку! – подошел молодой человек.

– Да, милый...

Он что-то зашептал ей на ухо. Она рассмеялась, но кивнула.

– Так вы считаете, мне эта штука идет? – кокетливо спросила она.

– О да! – хором воскликнули друзья. Впрочем, абсолютно искренне.

– Спасибо, пожалуй, я ее куплю, очень уж недорого. – И она обратилась к хозяину на прекрасном немецком языке. Оба говорили быстро. Олег совсем не знал немецкого, а Родион знал, но плохо.

– Господа, вы на чем собираетесь ехать в отель? – вдруг спросила Лали.

– На такси.

– А у нас тут машина, можем подвезти вас или хотя бы ваш чемодан, если вы хотите еще погулять.

– Спасибо вам огромное, мы уже вполне нагулялись.

– А вы не купили жакетку? – спросил вдруг Олег.

– Пока нет, у меня с собой нет наличных, а хозяин просил большую часть заплатить наличными.

– От налогов скрывается, понятно, – засмеялся Олег.

– Я еще просила перешить пуговицы, они чересчур блестят, а я этого не люблю.

Олег краем глаза смотрел на молодого человека. Тот только посмеивался. Кажется, его позиции очень крепки, он уверен в себе. А зря... Если Родька чего-то по-настоящему хочет, он всегда добивается своего. Потому-то я и не стал с ним

держат пари.

1987 год. Деревня Половинка

Мороз стоял лютый, а в доме у бабушки было тепло, пахло чем-то вкусным, родным.

– Ох, Евушка, как исхудала-то вся, прозрачная совсем. Ничего, я за каникулы-то тебя откормлю. Что ты там в Москве-то кушаешь?

– Да что придется, бабуль... Ох, как вкусно!

– Ешь, ешь, девонька.

Когда внучка наконец наелась, старуха спросила:

– Ну, а что мать-то твоя непутевая?

– Бабусь, она замуж вышла...

– Давно это?

– Да уж год...

– А что за мужик-то?

– Да он ничего, хороший...

– Не пьяница?

– Нет, он совсем не пьет.

– Как это? – удивилась бабушка.

– Не знаю, – засмеялась Ева, – не пьет и все.

Ева хотела сказать бабушке, что мать с новым мужем три месяца назад уехала в Израиль, но, собственно, в Израиль они не собирались. Прямо из Вены поехали в Италию, где до сих пор дожидаются разрешения на въезд в Америку. Но ей не хотелось, чтобы бабка знала, что Ева осталась в Москве

совсем одна.

- А что ж, она мне-то не написала?
- Не знаю, бабусь...
- А он чем деньги-то зарабатывает?
- Журналист он. В газете работает...
- Ишь ты, путевый значит?
- Путевый, путевый...
- И с вами живет?
- С нами, с нами...

Ева ненавидела вранье, хотя в данном случае это была ложь во спасение.

– Ну, а у тебя никто еще не завелся? Ты вон красивая девка...

– Нет, бабусь...

– Ой, врешь, девка, по глазам вижу, врешь! Говори, что за парень...

– Да, бабусь, пока еще говорить не о чем... Только недавно познакомились...

– Сколько годков-то ему?

– Двадцать три.

– А звать как?

– Платоном.

– Платоном? Надо ж, редкое по нашим-то временам имя.

И что у вас?

– Ничего, бабусь... Один раз в театр сходили... Один раз в гостях были. На дне рождения его друга.

– А что за семья-то?

– Бабусь... ну хватит, говорю ж, пока ничего у нас нет... просто нравлюсь я ему.

– Смотри, девка, там в Москве-то у вас с этим делом легкого, переспали и разбежались, не годится так.

– Бабусь, никто еще ни с кем не переспал.

– Смотри у меня, узнаю, пришибу. Хватит с меня одной шалавы... А чего мать тебя не кормит, что ли?

– Почему, кормит. Просто я занимаюсь много, знаешь как в медицинском трудно учиться.

– Ничего, зато доктором будешь. Дело хорошее... Уважаемое...

– Ох, бабусь, я так наелась, в сон клонит.

– Ну иди, ложись...

– Да нет, я сперва со стола приберу...

– А прибери, и правда, ты молодая, а я что-то умаялась.

Вот выучишься на доктора, станешь бабку лечить...

Утром Ева проснулась, на дворе было совсем еще темно, но кто-то уже тюкал топором – дрова колол. Неужто бабушка с утра пораньше?

Ева вскочила. Нет, бабушка возится у печки. Ева глянула в окно. В утренних сумерках она увидела какого-то мужика, который действительно колол дрова.

– Доброе утро, девка. Заспалась!

– Доброе утро, бабусь. Кто это там дрова колет?

– Да сосед новый. Из ссыльных. Но золотой мужик. По-

могает мне. Ты, кстати, оденься, не ходи так, он к нам завтракать придет. Очень он мои оладушки уважает.

– Бабусь, ты сказала, из ссыльных?

– Ага. Он в лагере сидел, потом ему лагерь на ссылку сменили...

– Политический?

– Да. Хороший мужик, только озлобленный очень.

Стук топора смолк, а вскоре в сенях раздался топот. Потом в дверь постучали.

– Варвара Семеновна, можно?

– Заходи, заходи, Георгий Иванович. Вот, познакомься, внучка моя из Москвы пожаловала. На доктора там учится.

– Здравствуйте, – проговорила Ева, с любопытством глядя на незнакомца. – Меня зовут Ева.

– Ева? А и впрямь – Ева! – он смерил ее каким-то странным недобрым взглядом. Но ее почему-то бросило в жар. Он был крупный, немного мешковатый, небритый...

– Евушка, подай Георгию Иванычу полотенчику.

Ева с горящими непонятно отчего щеками кинулась к бабкиному комоду.

Георгий Иванович ел красиво, как-то не по-деревенски. Хотя руки у него были грубые, запущенные, огромные, на безымянном пальце левой не хватало одной фаланги. Но Ева не могла отвести от них глаз, они словно заморозили ее. А бабка решила, что внучка просто от смущения не может глаз поднять на чужого мужчину. Это бабке понравилось.

– Ох, и вкусно же у вас, Варвара Семеновна. Я уж сам пробовал делать оладушки по вашему рецепту, ничего не выходит. Небось секрет у вас какой-то есть.

– Есть, а как же, – задорно рассмеялась бабушка. – Руки женские должны это делать. Негоже мужику оладушки жарить.

– Ну почему, говорят, самые лучшие повара мужчины, – подала голос Ева.

– Я про то не знаю. Может, для больших начальников мужики стряпают, а для нас, простых людей, лучше бабьих рук в этом деле нету. Права я, а, Георгий Иванович?

– Правы, правы, Варвара Семеновна. А что, Ева, как там сейчас в Москве? Что слышно с этой перестройкой и гласностью? Не заглохли еще?

– Нет! Вон в декабре академика Сахарова из ссылки вернули...

– Слышал, слышал...

– А еще за границу потихонечку пускать начали.

– Серьезно? – вдруг напрягся гость.

– Да! Маму одного нашего студента вдруг в Германию пустили, по приглашению. Она и не надеялась... Причем не к родным, а к подруге! И в Израиль тоже... Один знакомый журналист пять лет был в отказе, и вот недавно выпустили...

– Какой-такой журналист? – вдруг вмешалась бабка.

– Друг маминого мужа, – скороговоркой ответила Ева.

– Ну-ну, поживем – увидим... – пробормотал гость.

– А вы не верите в перестройку, да?

Он вдруг улыбнулся, и Ева увидела, что глаза у него синие и молодые.

– Нет, Ева, хотелось бы верить, да пока рано. Все еще сто раз захлебнуться может.

– Да, у нас тоже так говорят, а я вот верю!

– Ну-ну. Поглядим!

– Вот увидите, Георгий Иванович! – вдруг осмелела Ева. – Когда я через год к бабуле приеду, вас уже тут не будет!

– А где я, по-вашему, буду через год?

– Ну, я не знаю, откуда вы...

– Из Ленинграда.

– Значит, в Ленинград вернетесь...

– Да нет, не хочу я в Ленинград... Да и смешно мне в моем возрасте верить в розовые сказки. Тем более в нашей стране.

– Но ведь возвращаются уже! Академик Сахаров...

– Так это ж какая фигура... Весь мир видит, а я кто для мира?

– Посмотрим!

– Ладно, спасибо на добром слове, Ева, а вам, Варвара Семеновна, за приют, за ласку. Пойду сложу дрова.

Он вышел.

– Что ты, девка, горячку порешь! Не знаешь о человеке ничего. Некуда ему возвращаться в Ленинград. Да и вообще...

– Бабуль, а за что его посадили?

– Да не знаю я точно, но только как его забрали, жена с ним развелась, мать его старую из квартиры на летнюю дачку выселила, она там и померла... Сукой последней жена-то оказалась. Ни передачи ему, ничего... Адвоката оплатить не пожелала... Друзья, правда, помогали, прошлый месяц двое даже приезжали к нему, а он потом напился, едва себя не порешил... Это они ему про мать рассказали... Он не знал, думал так, от болезни да от горя померла... Он у матери единственный был, да и то сказать, она его поздно родила, в сорок два года, тоже бедолага одиннадцать лет сидела ни за что... И отец... Он из немцев был, сосланных в Казахстан.

– Дааа, бабусь... И эта падла, его жена, старую женщину, столько настрадавшуюся, просто выгнала? Куда ж его друзья хваленые смотрели? – вскипела вдруг праведным гневом Ева.

– Да я толком и не знаю... А может все еще не совсем так было... Может, кто из друзей-то к женке его подъезжал, она от ворот поворот дала, а он счета свести так решил.

– Бабусь, ты что!

– Бывает так, девка, бывает! Мужики-то они иной раз и мельче и подлее бабы бывают. Ладно, ты не вешай нос-то, поди к Шурке сходи, она уж сколько раз прибежала, когда Евка придет! Соскучилась по подружке-то.

– Да ладно, успею еще. Бабусь, а тебе может помочь чего надо, ты говори.

– Да не надо. Я и сама еще справляюсь, спасибо, вот Ге-

оргий Иванович с тяжелой работой помогает.

– Ой, а телевизор-то у вас когда-нибудь будет?

– Обещают все. Да только и без телевизора жить можно, а то, говорят, в городах-то скоро уж дети родиться перестанут, родители все телевизор смотрят...

Ева засмеялась, поцеловала бабушку. В этот момент раздался стук в дверь и тут же дверь распахнулась и в дом влетела Шурка, старая подружка, румяная от мороза.

– Евка, приехала! Ой, какая ледащая стала, мамоньки мои. Баба Варя, что ж это делается, кожа да кости. Так замуж никогда не выйдешь!

– Много ты понимаешь, сейчас худые в моде, чем тощее, тем лучше, – засмеялась Ева, обрадовавшись подруге детства.

– Да ну, скажешь тоже... Мужик не собака, на кости не бросается.

– Так в Москве мужики тоже за модой следят!

– Да ладно врать-то! – хохотала подружка. – Евка, а пошли вечером в клуб. Там кино сегодня, хорошее, говорят.

– Какое? Может, я видела уже?

– Не запомнила я название! Но вроде индийское.

– Ох, не люблю я индийское! Чуть что поют и пляшут.

– Ну и чего? А мне нравится... А может, там и не индийское... Ну, давай сходим.

– Черт с тобой! А танцы будут?

– Какие танцы? С кем у нас танцевать-то? Ой, Евка, ты

знаешь, Вальку Скуратова домой в цинковом гробу привезли.

– Из Афганистана, да? – перешла на шепот Ева.

– Не знаю, говорят... Но тишком. Боятся. Парней совсем не осталось. Ев, а в Москве-то на танцы ходишь?

– Нет. Некогда мне. Правда, в институте в самодеятельности участвую. Пою в ансамбле.

– Да? А в институте парней-то много?

– Хватает.

– А у тебя никто еще не завелся?

– Да нет...

– Ой, баб Варя, мы пойдем погуляем, ладно?

– Да идите, сороки!

Девушки оделись и выбежали на улицу.

– Ой, а воздух-то какой тут!

– А чего воздух? Воздух он везде воздух!

– Да, попробовала бы ты... В Москве знаешь сколько машин, заводов, фабрик...

– Ладно, про это я и сама знаю! Ты мне лучше про парня своего расскажи.

– Да я не знаю, чего рассказывать...

– А все. Ты же знаешь, я никому никогда...

– Нет, правда, мы только недавно познакомились.

– Было уже чего?

– Чего?

– Сама что ль не понимаешь?

– Честно? Было.

– Ой, и как?

– Да ничего особенного... Даже неприятно сначала. А потом ничего... Мне, Шур, девчонки наши книжку одну дали, американскую...

– Про что? – с придыханием спросила Шурка.

– Ой, Шур, там такие вещи... Тетка одна все в подробностях описывает, как и чего надо делать женщине, чтобы доставить удовольствие мужику и самой тоже чтоб приятно было.

– Ну, мужику, известно как угодить, ноги раздвинуть и не рыпаться.

Ева захохотала.

– По той книжке выходит, что рыпаться как раз очень сильно надо. Это одна часть, а вторая наоборот, что мужику делать...

– Евка, расскажи!

– Ну вот еще... Я тебе расскажу, а здешний мужик еще чего доброго тебя прибьет...

– А ты эту науку пробовала?

– Нет пока... Я стесняюсь. Надо привыкнуть.

– Господи, да чего ж там такое? Хоть на ушко шепни. Интересно же...

Ева и в самом деле шепнула ей что-то на ушко.

– Тьфу, с ума сошла? Гадость какая! Да я лучше умру... Стыдобища...

В этот момент Ева увидела идущего им навстречу Георгия Ивановича.

– Ой, здрасьте, Иваныч! – крикнула Шурка.

– Привет, девушки.

Он скользнул по ним взглядом, а Ева вдруг опять ощутила странную дрожь в ногах.

– Это ссыльный у нас тут...

– Знаю, он к нам нынче заходил.

– Да, бабка твоя его привечает... Филипповы его в избу пустили, а сами в Омск подались к сыну. К нему наши мужики сперва привязываться стали... Ну, по пьяни... Он Саньку Лещева так отделал... Тут они хотели в мусорку его сдать, а он ведь раз в неделю сам туда мотается, отмечаться, оно ему надо? Он остальным мужикам водки выставил, они и угомонились, а Лещеву одному кто поверит? Да он и сам к мусорам не пойдет... А баб наших Иваныч к себе не подпускает. В шею гонит. Говорят, у него в районе одна есть...

Эти слова почему-то были очень неприятны Еве.

Глупость какая... Зачем мне сдался этот хмурый старый мужик? Лагерник... У меня же есть Тоник... Он красивый, молодой, перспективный, из хорошей семьи и он меня любит...

– Евка, ты чего столбом стала? Айда в клуб, глянем, что за кино.

– Слушай, Шур...

Но в этот момент к ним подскочила Зойка Духовских.

– О, москвичка пожаловала! Как дела-то?

– Привет, Зой. Дела лучше всех.

– Что-то я гляжу, ты в своей Москве вовсе отошала. По радио говорили, у вас с продуктами перебои...

– Мне хватает.

– Зой, а Евка говорит, в Москве нынче тощие в моде.

– И чего? Мало ль какие у них моды, а у нас своя.

Зойка была пухлая, румяная, кровь с молоком. Говорили, за ней зам. прокурора района ухлестывает. Правда, он женатый, с двумя детьми. Но при катастрофической нехватке здоровых мужиков и это было достижением. Правда, отец Зойки, прослышав про этот роман, чуть шкуру с нее не спустил. Но зам. прокурора поговорил с ним по-свойски. Тот притих, но запил...

Все это Шурка рассказала Еве по дороге в клуб.

Увидав написанную от руки афишку «Блондинка за углём», Ева явственно ощутила пропасть, отделившую охваченную перестроечной эйфорией полуголодную Москву от этой заброшенной деревни со смешным названием Половинка, где она прожила шесть лет, с девяти до пятнадцати. Однако пяти лет в Москве хватило, чтобы пропасть показалась непреодолимой... Никогда бы сюда не приезжала, если бы не бабушка. Вот, если поженимся с Платоном, заберу бабушку в Москву, ей тут тяжело одной... Хорошо, хоть этот ссыльный помогает... Но он ведь может скоро уехать, все к тому идет, политических, наверное, скоро всех отпустят.

– Ну что, Евка, ты это кино смотрела?

– Ага.

– Ну и как?

– Мне не понравилось.

– Почему?

– Не понравилось и все! – отрезала Ева.

– А мне стоит сходить?

– Сходи! Там артисты хорошие, – обрадовалась Ева, ей вдруг стало скучно с Шуркой. Лучше дома посижу, бабушка обещала шанежек напечь, с картошкой, ее любимых. Может Иваныч придет... С ним, по крайней мере, есть о чем поговорить.

– Ой, а как же ты?

– Да нормально, я учебники почитаю, мне надо...

– Евка, нешто ты и вправду доктором будешь?

– Буду, если не лениться.

– Ой, какая ты стала...

– Какая?

– Сознательная чересчур! Вон даже про парня своего не рассказала...

– Так рассказывать пока нечего.

– Как это нечего, коли ты с ним уже... того...

– О таких вещах не рассказывают.

– Дура ты! – вдруг рассердилась Шурка.

– Ну и ладно! Дура так дура. Пока, – Ева повернулась и побежала домой. Снег под старыми валенками скрипел ве-

село и радостно, словно обещая, что все у нее будет хорошо.

2007 год

Номер у Родиона был в коттедже «с видом на сад», вернее на чудную зеленую лужайку, с маленькой открытой террасой, где стояли плетеные кресла, столик и сушилка для плавок и полотенец. Кроме того возле террасы стоял шезлонг. Над ним раскинула ветви старая олива.

Солнца не было, и купаться он не пошел. Разобрал вещи и посмотрел на часы. До встречи с друзьями за ужином оставалось еще полчаса.

И вдруг он увидел, что по лужайке идет этот парень, ха-халь Лали, в мокрых плавках. Родиону показалось, что он направляется к нему. Выяснить отношения, что ли? Он напрыгся. Но нет, парень его попросту не замечал.

– Лали! – крикнул он.

– Я тут! – раздался ее голос... с соседней террасы.

– Зря ты не пошла купаться. Вода роскошная!

– Я утром пойду.

– Ну уж нет, я утром буду спать!

– Немедленно надень сухие трусы. Свежо, еще простудишь свое хозяйство.

Ишь ты, заботится, злобно подумал Родион. И очень явно представил себе ее в объятиях этого юного жеребца. Он ушел в комнату и плотно закрыл раздвижную дверь. А то еще услышишь ненароком их любовные стоны... Тьфу! Пой-

ду лучше посмотрю территорию, пока совсем не стемнело. Однако, взглянув на себя в зеркало, он решил, что надо бы побриться. Он знал, что Вавочка терпеть не может небритых мужиков. А он нежно любил жену старого друга.

Через десять минут, свежевыбритый и даже нарядный, он вышел через другую дверь и нос к носу столкнулся с Лали.

– О, мы соседи? – спросила она.

– Видимо, да! – обрадовался он тому, что секс с юным красавцем вряд ли занял бы так мало времени. То есть можно, конечно, управиться и куда быстрее, но она была так безмятежна, так аккуратно прибрана, да и глаза не те...

Надо было что-то говорить.

– Простите ради бога, а где здесь народ питается?

– В главном корпусе.

– Спасибо. А вы не туда направляетесь?

– Нет, я пойду позже.

– Тогда простите, я вас оставлю, меня ждут друзья.

Ему пришлось уйти. Она опять была в черном платье без рукавов с ниткой бирюзы на шее, отчего глаза казались бирюзовыми.

Черт возьми, какая женщина... Высший класс. Это тебе, Родя, не Верка, той цена два гроша в базарный день... Какое счастье, что я ее не взял сюда... Хотел бы я знать, этот хахаль с ней в одном номере живет?

– Родька! – кинулась к нему Вавочка. – Я заснула, вас дожидаясь! Что ж вы, мерзавцы такие, меня не разбудили?

– Вавочка, прости! Выглядишь потрясающе! Загорелая, молодая, глаза блестят!

У входа в главный корпус отеля сверкала витрина ювелирного магазинчика. Вавочка задержалась возле нее.

– С ума сойти, мы тут уже пять дней, утром и вечером два раза ходим на кормежку и всякий раз она пялится на эту витрину.

– Значит, надо ей тут что-нибудь купить, – рассмеялся Родион.

– Так она не носит драгоценности.

– Тогда зачем пялится?

– Поди спроси. Женщина!

– Слушай, Олег, Лали оказалась моей соседкой.

– Да?

Но тут Вавочка оторвалась от витрины.

– Ой, простите, мальчики!

– Что ты там высматривала? – решил спросить Родион.

– Да ничего, просто красиво... – чуть смущенно улыбнулась Вавочка.

Они увидели, как из лифта вышел юный любовник Лали, в джинсах и голубой рубашке.

– Петь, ну сколько тебя ждать! – навстречу ему поднялся молодой парень в очках.

– Прости, старик, но я точен. Это ты пришел раньше. Ладно. Погнали!

Молодые люди выбежали из холла и через минуту уже са-

дились в машину, на которой Лали привезла Родиона и Олега из города.

Он оставил ее одну и уехал с приятелем в город, на гулянки, это совершенно очевидно. Так всегда бывает, когда женщина связывается с парнем намного моложе себя, мстительно подумал Родион.

После ужина друзья уселись в баре. Погода была чудесная, столики стояли на свежем воздухе.

– Родя, ты почему такой задумчивый? – спросила Вавочка.

– Да просто устал, рейс-то был утренний, ночь практически не спал... Ничего, высплюсь и завтра буду как огурчик.

И тут он увидел Лали. Она подошла к столику довольно далеко от них, села и сделала какой-то знак официанту. Вид у нее был вполне спокойный. Непохоже, что она страдает от отсутствия этого альфонса... Может, он ей надоел уже? Может, надо брать быка за рога?

– Вавочка, прости, но я просто обязан пригласить к нам эту даму, она привезла нас с Родькой из города...

– Какую даму?

– Лали.

– Да? – загорелась Вавочка. – Что ж ты мне сразу не сказал? Конечно, поди пригласи ее.

Настоящий друг, подумал Родион. Он видел как Олег подошел к ее столику. Она улыбнулась ему. Но на его предложение ответила отказом. Покачала головой, еще раз улыбну-

лась. Олег поцеловал ей руку и вернулся к их столику.

– Мадам не соизволила? – обиженно проговорила Вавочка.

– Увы! – развел руками Олег.

– Чем мотивировала?

– Да ничем. Просто поблагодарила и отказалась. Не могу же я особенно настаивать. Она поняла, что мы хотим как-то ее отблагодарить... Вот, собственно, и все. Знаешь, Вавочка, меня что-то здорово клонит в сон. Может, пойдем уже?

– Идите, ребята, я расплачусь.

– Ну что ж, пойдем, Олежек, я тогда телевизор посмотрю. Спокойной ночи, Родя.

– Сладких снов, красавица.

Они ушли. Надо завтра же купить Олегу торт. А мальчишка, похоже, живет в главном корпусе. Отдельно. Он встал и направился к ее столику.

1987 год

Утром Ева спросила:

– Бабусь, а Георгий Иванович что, не придет сегодня?

– А тебе зачем?

– Он интересный человек... И еще мне его жалко.

– Ой, гляди, девка, не пара он тебе.

– Да что ты, бабусь! Я просто по-человечески... ты ж вот тоже его жалеешь...

– Мне можно, я старая. А он нынче в район пошел, ему ж

в милиции отмечаться надо. Да и баба у него там...

– А, понятно. Бабусь, а научи меня твои оладушки печь.

Вкусные уж очень.

– Зачем это? – засмеялась бабка. – Кого кормить-то думаешь?

– Подружек там, ну и Платона...

– Ишь ты... А у тебя часом карточки его нет?

– Есть, – покраснела вдруг Ева.

– Покажешь?

Ева вытащила из сумки учебник, где между страничками лежала цветная фотография Платона. Она рада была переменить тему, а то и так почти выдала себя.

– Вот, бабусь, смотри.

Варвара Семеновна обтерла руки полотенцем и взяла фотографию.

– Ишь какой... Красивенький... Любезный... Гладкий...

А он работает, учится?

– Работает. Он экономист-международник.

– А это что еще за зверь такой? Что делает?

– Я, бабусь, сама не знаю. Вроде занимается международной экономикой.

– Зарабатывает хорошо?

– Я не спрашивала.

– Ну а с родными он тебя знакомил?

– Нет пока.

– Любит он тебя?

– Говорит...

– Ой, девка, будь поосторожнее с таким... На него небось бабы вешаются. Непокойно мне что-то...

– Почему, бабусь?

– Да мать твоя шалавая разве углядит за тобой?

– Бабусь, мне уж двадцать лет, я взрослая.

– Вот замуж выйдешь, тогда и будешь взрослая.

– А если я вообще замуж не выйду? – звонко рассмеялась

Ева.

– Это как? В девках останешься? Не приведи господь. С мужем-то хорошо жить, сладко, особенно ежели любимый...

Значит, я Платона не люблю? Никакой сладости я пока не почувствовала. Правда, говорят, это приходит с возрастом.

– Но без мужа – ни-ни. Последнее дело, по рукам пойдешь. Как мать твоя беспутная. Тьфу!

– Неправда, мама хорошая, и муж у нее теперь хороший.

– Значит, скоро бросит ее.

– Бабусь, зачем ты так?

– А чего ж она к матери мужа-то не привезла показать? Даже и не сообщила, что замуж вышла.

– Она на тебя обижена.

– На обиженных воду возят! И где такое видано, чтобы на мать родную обижаться? Ладно, заболталась я с тобой тут. Ты вот что, девка, к куриам наведайся, может яичко свеженькое скушаешь.

Ева поняла, что бабка не хочет продолжать разговор.

Целый день Ева, сама себе удивляясь, ждала возвращения Георгия Ивановича. Но он так и не появился. Небось заночевал у своей... – вдруг с ненавистью подумала Ева. А чего я бешусь, мне-то что? Тянет меня к нему... Бабка вот говорит, с любимым сладко... Почему-то мне кажется, что с ним было бы сладко... А почему? Где ему до Платона... Нет, надо выбить эту дурь из башки... Хотя причем тут башка?

На другое утро она проснулась поздно. Прислушалась. На кровать вскочил бабусин кот Чалдон. Пушистый красавец. Бабуся запрещала ему на кровать прыгать, а Ева наоборот, привечала, а котище и рад, ластится, мурлычет.

– Хороший, хороший, котяра, умный, ты чего, голодный небось? – Ева вскочила в одной рубашке и налила коту молока.

– Бабусь! – позвала Ева, но тут же вспомнила, что бабка еще вечером предупредила, что пойдет с утра в сельсовет.

На столе в кухне стояла тарелка, прикрытая мисочкой. Ева приподняла миску. Там горкой лежали оладушки. Ева и себе налила молока, достала банку с медом, помазала оладушки. Ох, как вкусно. Она даже не присела, так ей хотелось есть, просто одной коленкой встала на стул. Бабушка не одобрила бы такого – в одной рубашке, нечесаная, неумытая... В сенях вдруг раздался топот. Ева замерла.

– Можно, Варвара Семеновна?

Дверь отворилась. На пороге стоял Георгий Иванович.

У Евы от смущения ноги отнялись. Она ощутила, что он

буквально раздел ее взглядом.

– Ой, простите... – пробормотала она. – Я сейчас...

– Не смущайтесь... Вы такая красивая... Настоящая Ева...

Он сделал шаг к ней. Но вдруг отвернулся.

– Простите, ради бога простите, – и как ошпаренный выбежал из дома.

– Ты чего так сияешь, а? – спросила бабушка, застав внучку за учебниками. – Покушала?

– Да, бабусь, спасибо.

– Так чего радуешься?

– Не знаю, хорошо мне тут у тебя, бабусь...

– Да оно видно, вон уж щечки не такие проваленные...

Ничего, я тут тебя откормлю. – Бабушка погладила ее по голове. – Волосы у тебя хороши, у меня в молодости такие ж были... Ты их только не стриги, не вздумай!

– Ой, я хотела, даже в парикмахерскую пошла, а тетка-мастер и говорит: нет, такую красотищу резать не буду. Ну я и ушла. Но с ними столько возни, сохнут долго и вообще...

– И не думай, девка! Мужики любят длинные волосы, любого спроси. А у вас в Москве, говорят, это редкость большая. Молодые, они глупые, хотят быть как все, а уж ты мне поверь, лучше быть на особицу.

– Ой, бабусь, в Москве длинноволосых тоже хватает.

– Да видала я в кино, они там все больше с распущенными волосами-то ходят. Это срам.

– Почему?

– Да пойми... это ж все равно что голой при людях ходить.

Бабу голую да с распущенными волосами только муж должен видеть.

– Это, бабусь, пережитки!

Опять в дверь постучали.

– Варвара Семеновна!

– Заходи, заходи, мил человек.

Это опять был Георгий Иванович. На Еву он не смотрел.

– Вот, Варвара Семеновна, забрал я вашу справку, как обещал. И пряников мятных купил.

– Спасибо, спасибо тебе, Иваныч. Чаю хочешь? С пряниками, а?

– Да нет, спасибо, я пойду, наверное...

– Нет, мил человек, ты уж попей с нами чайку-то... Мы, Евушка, с Георгием Иванычем очень мятные пряники уважаем. Особливо ежели свеженькие. Поставь стаканы-то. Да вареньица достань.

Бабушка налила всем чаю, откусила кусочек пряника.

– Ох, хорошо... В Москве-то у вас такие пряники есть?

– Бывают, только все больше черствые.

– А у нас в районе в пекарне один ссыльный пекарь их делает... Секрет знает, они долго не черствеют. Так знаешь, его хотели обратно в лагерь закатать, из зависти. Нейдется людям, ежели кто-то что-то лучше делает. Технолог начал его гнобить, нарушение технологии, то, се, но он ничего, от-

бился, правда, жена второго секретаря райкома помогла, ее детишки очень уж те пряники обожают.

Ева не могла оторвать взгляда от рук Иваныча. Глаз он на нее не поднимал. Между ними вдруг словно возникла тайна, о которой никто не должен был догадаться.

– Вот, Георгий Иваныч, ты скажи моей дурище, чтобы волосы-то не стригла.

– Что? – словно очнулся от забывтья сосед.

– Да вон она косу отрезать хочет. А я говорю, не смей!

– Да, вы правы, жалко, красивые волосы... – пробормотал он. – Жалко, очень жалко. – Он вдруг поднял глаза. Еве показалось, что они стали совсем темными, хотя только что были голубыми.

– Да ладно, уговорили! – с торжеством засмеялась она, чувствуя, что победила, наповал сразила этого мощного немолодого мужика.

Зачем он мне, думала она ночью. Незачем, а все равно приятно. Ей было радостно и весело.

Ева пробыла у бабки еще девять дней, но Георгия Ивановича больше ни разу не видела. Он не заходил в бабке, не появлялся во дворе.

На четвертый день Ева не выдержала.

– Бабусь, а чего это Иваныча не видно? – как бы между прочим спросила она.

– В район ушел. К бабе своей. Да еще какие-то бумаги ему пришли, вроде к лету освободится. А тебе чего? Нешто глаз

на него положила?

– Да ты что, бабусь? – ахнула Ева. – Просто был человек и вдруг нету. А глаз ты знаешь на кого я положила...

– Да уж, справный малый, не Иванычу чета.

– Вот именно!

2007 год

– Лали, вы позволите?

– Садитесь, – не слишком приветливо отозвалась она.

– Спасибо. Такой чудный вечер сегодня...

– Я здесь уже несколько дней и все вечера такие.

– Это приятно.

– Да.

Она не стремилась поддерживать беседу. Достала сигарету из пачки. Он схватил со столика зажигалку.

– Вы красиво курите.

– Спасибо. Я думала вы скажете другое...

– Что именно?

– Что курить вредно и еще, что целовать курящую женщину, все равно что пепельницу.

– Боже! Я произвожу такое кошмарно-пошлое впечатление?

– Да, пожалуй, нет, – засмеялась она. От улыбки ее лицо буквально расцветало.

– Я хотел сказать совсем-совсем другое, но, боюсь, это все-таки тоже будет банальность.

– Попробуйте.

– Нет, пожалуй не буду. А скажите лучше, почему вам показалось, что мы знакомы?

– Шутки памяти, ничего больше.

Она опять умолкла. Только что ему почудилось, что она готова с ним флиртовать, но видимо обманулся.

– Лали, а почему вы одна?

– В каком смысле?

– Ну, вы днем были с этим юношей...

– А вечером без юноши, только и всего.

– Ох, как с вами трудно.

– Да. Со мной трудно. И если вы решили за мной приударить, то должна сразу честно предупредить – бесполезно. Только время потеряете.

– А я не спешу.

И он пристально посмотрел ей в глаза, включая на полную мощность свое мужское обаяние.

Но на нее, похоже, это не действовало.

– А почему, позвольте спросить? Из-за этого мальчика?

Она вдруг фыркнула.

– Представьте себе.

– Но зачем такой очаровательной женщине сидеть вечером одной в баре, пить вполне мужской коктейль и отшивать возможных поклонников, тогда как юноша развлекается в городе и неизвестно еще...

– Вы хотели сказать, неизвестно еще с кем, да?

– Именно.

– Я должна ответить на эту тираду?

– Хотелось бы.

– Хорошо. Потому что мальчикам в девятнадцать лет следует на отдыхе развлекаться.

– Но... Разве вас это не... унижает?

– Унижает? Да почему?

Она уже вывела его из терпения.

– Потому что вы намного старше, а он... он же ваш любовник, а вы готовы мириться с его свободой?

Она вдруг начала хохотать.

– Чему вы смеетесь? Что я такого сказал?

– А с чего вы взяли, что он мой любовник? Бред! Это мой сын!

– Сын? – поперхнулся коктейлем Родион.

– Представьте себе, сын.

– А почему он зовет вас по имени?

– Сейчас это называется прикол. Он так прикалывается.

Помните днем, когда я примеряла жакетку, он меня отозвал в сторонку?

– Ну?

– Он мне шепнул: мам, давай поприкалываемся над этим дядькой, он явно на тебя запал.

– Правда? У меня гора с плеч... Но послушайте, Лали, сколько же вам лет? Мне и в голову не могло прийти, что у вас такой сын...

– Мне сорок один год. Хотя задавать такие вопросы...

– Знаю, простите, не удержался. Но тогда за этим неприличным вопросом следует другой, возможно, еще более неприличный.

– Да?

– Если этот парень ваш сын, почему вы не оставляете мне шансов? Бойтесь сына? Он проболтается вашему мужу?

– Мой муж умер полтора года назад.

– Простите.

– Я любила его, по-настоящему любила, и была с ним безмерно счастлива. А паллиативы мне не нужны. Я понятно объяснила?

– Более чем. Лали, простите, я ничего не знал, я не хотел вас обидеть, боже упаси. Обещаю вам – никаких ухаживаний, никаких поползновений... Но просто общаться мы можем? Как друзья?

– Какие ж мы друзья? Это любовь бывает с первого взгляда, а дружба...

– И дружба с первого взгляда тоже бывает, поверьте мне. Вот взять хотя бы Олега... Мы встретились в студенческом лыжном лагере, попали в одну комнату, посмотрели друг на друга и тут же сдружились. У нас такое совпадение, мы так понимаем друг друга... Давайте попробуем.

– И как мы будем пробовать? – улыбнулась она. Он вдруг понравился ей. В нем есть обаяние.

– Ну, для начала я вам представлюсь. Родион Николаевич

Шахрин. Журналист. Не женат и это истинная правда, а не курортный трюк. Живу в Москве, в трехкомнатной квартире на Кутузовском, которая досталась мне от родителей. Отец умер десять лет назад, а мама – три года. Ну а вы?

– Сведения исчерпывающие. – В ее глазах что-то мелькнуло. Но он не понял, что. – А я пока считаю, что и так многое о себе рассказала.

– Как угодно даме.

– Ну что ж, Родион Николаевич, спокойной ночи.

Она вытащила из сумочки кошелек.

– Позвольте...

– Нет, не позволю. – Она достала из кошелька несколько монет и оставила на столе.

– Погодите, Лали, мы же соседи, я вас провожу.

Она хотела отказаться, но он обезоруживающе улыбнулся.

– Извините, но кажется, все немного не так...

– То есть?

– Я ж только приехал и боюсь, что в темноте могу заблудиться. Честное слово, это не уловка...

– Так и быть!

1987 год

Пришла весна. Близилась сессия. У Евы голова уже шла кругом от бесконечного корпения над учебниками. К тому же она неважно себя чувствовала. Платон сделал ей предложение почти сразу по возвращении ее от бабки. Она разду-

мывала. Его это уязвляло.

– Знаешь, Тоник, я так не хочу. Надо мне познакомиться с твоими родителями, чтобы все как у людей... А вдруг я им не понравлюсь?

– Ну и что? Это же я на тебе женюсь.

– Нет, так нельзя.

Подружка Женька развопилась:

– Ты больная? Такой парень! Такая семья!

– Я именно не знаю, какая семья.

– Да какая, хрен, разница! Главное, выйти замуж!

– Нет, главное...

– А что, что главное?

– Нет, так, ничего...

Ева никому, даже Женьке, не сказала ни слова про странного, старого – целых сорок лет ему! – мужика. Да и говорить-то, собственно, нечего было. Но время шло, Платон настаивал и она сказала:

– Тоник, вот твои родители в мае вернутся из загранки, тогда и подадим заявление.

– Как хочешь, – пожал плечами он. Эта строптивость и раздражала и одновременно заводила его. Да другие девчонки были бы на седьмом небе от счастья, а эта еще выдрючивается. Но другие как-то не нравились ему. Правда, он вовсе не уверен, что мама одобрит его выбор. Но, по крайней мере, не сможет сказать, что Еве нужна их квартира, у нее своя есть, пусть и плохонькая совсем, но все же... И прописка.

С этой стороны не придерешься. Она красивая, хоть и одета бедненько, но это поправимо. Студентка, будущий врач. Это все маму устроит. Застенчивая... Вроде все хорошо, но мама обязательно скажет, что она не нашего круга... Но тут можно рассчитывать на отца. Он эти разговоры про наш и не наш круг терпеть не может. Если Ева в остальном ему понравится, то мама смирится и начнет присылать Еве шмотки, так что через год Ева будет не хуже всех других девчонок «нашего круга». А я, кажется, здорово втюрился. Есть в ней изюминка... есть. И женой она будет хорошей, вполне хозяйственная, готовит неплохо, а какое тело... С ума спянуть можно...

– Евка, не будь душой! Постарайся понравиться его мамаше и тогда будешь жить как у Христа за пазухой. Ты ж сейчас почти голодаешь... Ты вообще у него дома-то была?

– Нет.

– Почему?

– А зачем? Он ко мне приходит.

– А он что, тебя не звал?

– Почему? Звал.

– А ты не пошла?

– Не-а!

– Да почему?

– Как бы тебе объяснить... У них наверняка все очень богато... Папаша какой-то там то ли посол, то ли консул, вечно в загранке...

– И что?

– А то... Тоник наверняка устраивает там какие-нибудь пьянки, вечеринки, его брат, наверное, тоже...

– Ну и что, не понимаю!

– А вдруг там что-то пропадет?

– И ты боишься, что подумают на тебя, что ли?

– Именно! Доперла наконец! А мне это нужно?

– Да, но почему ты решила, что подумают на тебя?

– Потому что я из другого круга...

– Ой, Евка, какая ты рассудительная... Я бы так не смогла... Погоди, или ты его просто не любишь?

– А я не знаю... Вообще-то он хороший...

– Знаешь, Евка, это все сопли и слюни. Любишь – не любишь. А замуж с холодной головой лучше выходить. Все равно же надо замуж. А Тоник твой хоть не алкаш, не лимитчик и вообще хороший парень... Или у тебя кто другой на примете есть? Ой, Евка, колись!

– Да нет никого. Просто так... померещилось чего-то...

– Евка, если ты мне не расскажешь, я не знаю что с тобой сделаю. А я никому никогда ни полсловечка, ты ж меня знаешь!

Еве так хотелось хоть кому-нибудь поведать свою историю! Хотя какая история? Никакой истории и не было, так... И она рассказала Женьке о том, что пережила в деревне у бабки. Женька слушала затаив дыхание.

– И все? – воскликнула она, когда Ева завершила свой рас-

сказ.

– И все.

– Ну ты и дура!

– Почему?

– Коза ты, Евка, тебя такой парень замуж зовет, перспективный, красивый, молодой, с шикарной профессией, а ты в зэка втюрилась. В старика! Точно, извращенка.

– Ты чего разоралась, Жень?

– Нет, я не понимаю, ты с ним даже не целовалась, ты его никогда в жизни больше не увидишь, а тут... Декабристка хренова... Да это сейчас он ссыльный, а скоро его назад в лагерь загребут, вот папка мой говорит, что скоро опять гайки закрутят и где он тогда будет, твой политкаторжанин? Опять же на каторге. И ты с ним загремишь... Папка говорит, сейчас дали людям выпустить пар, а потом опять зажмут еще чище прежнего, после такой вольницы зажим будет будь здоров...

– Жень, прекрати орать! Он между прочим меня не звал замуж, он вообще никуда меня не звал, даже в кино, просто мне тоже захотелось выпустить пар, как выражается твой отец. Вот я тебе и рассказала... про свои ощущения. И, между прочим, мне стало легче.

– Фу, правда! – облегченно рассмеялась Женька. – А я уж испугалась.

Только об одном Ева умолчала, просто постеснялась. Однажды ночью, когда Платон ласкал ее, ей вдруг померещи-

лось, что это не он, а Георгий Иванович и она впервые получила какое-то удовольствие от близости. Платон был в восторге. Именно тогда он и сделал ей предложение. Но ведь это было нечестно и она мучилась сомнениями.

2007 год

– Ну, как успехи? – спросил Олег за завтраком и подмигнул другу, когда Вавочка пошла за сыром.

– Никаких!

– Да ты что? Стареешь, Родька!

В этот момент друзья увидели, что в зал входит Лали с молодым человеком.

– Наш пострел везде поспел, – проворчал Олег.

– Да это ее сын, – улыбнулся Родион.

– Сын? Ты уверен?

– Да. Она мне сама сказала. Черт, какие ноги у нее.

Тут к столу вернулась Вавочка.

– Киска, а ты знаешь, этот красавчик ее сын, – радостно сообщил жене Олег.

– Сын? Не может быть!

– Почему?

– Он ее на руках носит. Буквально.

– Ну и что? Он просто любит свою маму.

– Да? Это ты, Родя, выяснил?

– Я. А что?

– А еще что-нибудь узнал?

– Вавочка, почему она тебя так интересуется?

– Если она и вправду его мать, то...

– То что?

– То надо этого парня познакомить с нашей Настей. Красивый, хорошо воспитанный, вон, с мамой отдыхать приехал... Наверняка, дельный... Чистенький, опять же, приличный... Насте понравится... Родя, а кто там отец, не знаешь?

– Знаю только, что он умер.

– Да? Поэтому она все время в черном? А по-моему, носить траур на курорте глупо. Черные шорты, это по-вашему, траур? Знаете, на что это похоже? Есть такая категория баб, которые мужиков на кладбище ищут. Вдовых.

– Вавочка, ты не права, – рассмеялся Родион, – если ты хочешь пристроить Настю за этого парня, тебе надо прежде всего подружиться с его матерью, а не говорить о ней гадости.

– Думаешь, я не понимаю? Но как с ней дружить, когда она задирает нос? Что ж мне, напрашиваться?

– Успокойся, Вавочка, они не москвичи, – вдруг заявил Олег.

– С чего ты взял?

– Я видел, как она давала портье свой паспорт, я не разглядел, чей он, но явно не российский.

– Надо же... Ну и черт с ним. Маменькины сынки не лучший товар на рынке женихов.

– Боже, как ты непоследовательна, Киска.

– Олелек, тебе фруктов принести?

– Два куска арбуза.

– Вавочка, будь другом, захвати мне одну грушу.

– Какие вы наглые, мужики. Нет чтобы даме фрукты при-

нести.

– Ты сама предложила!

– Да, вам лишь бы на шею сесть... – проворчала Вавочка.

– Родька, она тебя отшила? – шепотом спросил Олег.

– Практически, да. Но я не отступлюсь. Я предложил ей дружбу.

– Она согласилась?

– Она усомнилась.

– Но подала надежду?

– Нет.

– Тогда на что ты рассчитываешь?

– На то, что она молодая красивая женщина. И рано или поздно ей понадобится мужик.

– А ты тут и подвернешься? Да?

– Именно.

– А ты так уверен, что мужик ей понадобится как раз во время вашего тут пребывания?

– Нет. Ни минуты.

– Тогда что? Она же живет в другой стране?

– Ничего, я добьюсь своего. Чего бы мне это ни стоило, и где бы она ни жила, хоть в Аргентине.

Тут вернулась Вавочка с фруктами.

– Жрите, захребетники.

После завтрака, она сказала:

– Родь, Олег после завтрака ходит пешком, ты ему не составишь компанию? А то я вчера ногу стерла...

– Да с превеликим удовольствием.

– Вот и отлично. А потом я жду вас на пляже. И займу для тебя лежак рядом с нами.

– Спасибо, благодетельница, – Родион поцеловал Вавочку.

– Старик, мы не договорили... – начал Олег.

– О чем?

– О Лали. Ты что, всерьез втюрился?

– Похоже на то.

– А может, ты просто привык к легким победам, а она тебя отшила?

– Нет. Я был готов, что она меня пошлет... Но в ней есть что-то такое... необычное. Я хорошо знаю баб, чувствую их, что ли, а тут ничего не понимаю... Знаешь, она мне без всякого кокетства, игры, вдруг заявила, что безумно любила покойного мужа и была с ним абсолютно счастлива... И в голосе и в глазах была настоящая боль...

– И что?

– Я вдруг подумал... Не сочти меня сентиментальным идиотом... Мне вдруг захотелось, чтобы когда я помру, обо мне кто-то так сказал...

– Ну, старик, ты и загнул... Чтобы так о тебе сказали, на-

до прожить с женщиной много лет. А ты вообще закоренелый холостяк. К тому же сердцеед, уверен, многие были бы счастливы доказать тебе свою любовь...

– Тебе меня не понять, Олежек... Мне много раз, очень много раз, бабы клялись в любви... Но чтобы вот так... Никогда...

– Знаешь, бабам свойственно идеализировать покойников, особенно русским бабам. Помнишь Вальку Першину?

– Ну?

– Она двадцать лет прожила с мужем. Он был полное говно. Кидал ее, лажал без конца, ставил иной раз в жуткое положение, а как умер... Просто свет в окне. Чуть у нее что случится, она сразу: вот был бы жив Сева, он бы меня в обиду не дал...

– Ты, Олежек, не понял... Тут все на чистом сливочном масле. И если я сумею ее завоевать, я женюсь на ней. Чего бы мне это ни стоило.

Он говорил так серьезно и проникновенно, что Олегу даже стало не по себе. Очень уж это было не в характере его старого друга.

1987 год

Родители Платона вернулись в Москву. В первый же вечер после вкусного ужина он увел отца в кабинет.

– Пап, надо поговорить.

– Валяй, что ты там опять учудил? – добродушно осведо-

мился Николай Борисович. – Деньги нужны?

– Пап, советскому человеку деньги всегда нужны.

– Думаешь, несветскому они без надобности? – засмеялся отец. – Сколько?

– Сколько не жалко. Но дело не в том.

– Что-то на работе?

– Нет, пока там все нормально, хотя разговоры всякие ходят.

– Ты меня пугаешь. Неужто жениться надумал?

– Надумал, пап. Она такая...

– Красивая?

– Очень. Ее зовут Ева...

– Ишь ты. Ева... Ну, а родителям поглядеть на будущую сноху не надо?

– О том и речь... Понимаешь, я боюсь, что мама...

– Девчонка из провинции? Жить негде?

– Нет! – возликовал Платон. – У нее своя квартира есть.

Двушка, хоть и в хрущобе.

– Что значит, своя?

– Она... сирота, – соврал Платон, прекрасно понимая, что отъезд Евиной матери и отчима в Израиль приведет отца в негодование и здорово напугает.

– Сирота с двухкомнатной квартирой? Но это же почти идеальный вариант. Тогда чего ты боишься? Что твоя Ева не нашего круга? Кстати, сколько ей лет, чем занимается?

– Ей двадцать, учится в Первом Меде.

– А покойные родители кто?

– Отца она не знает, а мать... была художницей откуда-то из глубинки...

– Слушай, Тоник, а у тебя ее карточка есть?

– Да! Вот, смотри.

– Черт побери, хороша! Даже очень. И совсем не вульгарна. Сын, мне твоя девушка нравится. Думаю, и матери тоже глянется. Давай, зови мать. Постой, а ты уже сделал предложение?

– Да. И хотел жениться, не дожидаясь вас, но Ева сказала, что она так не хочет... Что надо познакомиться с родителями...

– Ну надо же... Молодец, девушка. Мне она уже нравится.

– Пап, только она...

– Беременна уже?

– Слава Богу, нет. Просто... Ей тяжело живется, и одета она не очень, если б ты дал еще денег...

– А, понял! Святое дело, держи. И купи своей девочке что-нибудь... Правда, я не очень понимаю, что и где здесь можно купить, но она, наверное, знает... Вот, возьми еще. И зови мать.

– Спасибо, папочка.

Смотрины были назначены через неделю. Платон позвонил своей бывшей сокурснице, объяснил ситуацию и та сообщила ему координаты одного парня из ансамбля Моисеева, у которого бывают хорошие и модные вещи.

– Ева, в воскресенье мои родители ждут тебя в гости, – с торжеством сообщил ей Платон.

– Да? На смотрины, значит...

– Зачем ты так... Я рассказал им о тебе, показал фотографию... Ты им очень понравилась. Насчет отца я и не сомневался, но даже мама сказала: прелестная девочка, я хочу поскорее с ней познакомиться... И еще... я хочу сделать тебе подарок...

– Какой?

– Купить красивое платье или костюм, что ты сама выберешь...

– Не надо, Тоник.

– Надо.

– Послушай, а ты... насчет моей мамы тоже сказал своим?

– Нет. И совершенно сознательно. Родители люди старого закала, они не поймут, испугаются... Они...

– Нет, Тоник, я так не могу. А вдруг это как-то отразится на карьере твоих родственников? Отца, брата, мало ли...

– Да ты что! Сейчас времена так круто меняются, думаю, через год-другой вообще границы откроют... И сейчас, поверь, никто не станет копаться в документах невестки такого старого заслуженного дипломата. Не до того... Но родители этого не понимают еще. Поэтому...

– Но я не могу врать им.

– Врать ничего не надо. Просто умолчи. И вообще, я люблю тебя, люблю так, что готов порвать с родителями, со всем

светом, лишь бы быть с тобой... Даже если они скажут, что не дают своего, так сказать, благословения, меня это не оставит. Да они ничего и не спросят, я сказал, что ты сирота, кто же будет приставать с расспросами? Они тактичные люди. Поэтому просто не говори на эту тему и все.

– Мне это не нравится, Тоник!

– Пойми же, упрямая твоя башка, это умолчание в их же интересах! Если хочешь знать, я говорил с одним парнем из ЦК комсомола, он сказал, что сейчас это проскочит.

– А если нет?

– А если нет, то, в худшем случае...

– Тоник, а давай мы просто не будем регистрироваться, а? Скажем правду, а расписываться не будем. Мало ли с кем живет сын дипломата? В конце концов, дочь за мать не отвечает, правда же? А потом, если все будет так, как ты думаешь, распишемся через год-другой, а?

– Странно... Все девчонки обычно мечтают о свадьбе, о белом платье, а ты...

– Да чепуха все эти платья... Но зато врать не надо будет.

– А может, ты и права? Я не знаю... Но если ребенок?

– Если ребенок... Но я хочу сперва окончить институт, а потом уж...

– Ладно, я поговорю с отцом.

И действительно, вечером он вошел к отцу.

– Папа, есть разговор.

– Денег не хватило?

– Пап, перестань, я же в конце концов работаю, получаю неплохую зарплату, что ты все о деньгах!

– Ладно, сын, я привык, что мальчишкам вечно не хватает денег. Говори, что стряслось.

– Пап, дело в том, что...

... – Ты, значит, родной сын, наврал, а девочка, чужая, не хочет причинять нам неприятностей?

– Да, все так.

– Ситуация, конечно, хреновая! Даже очень. Все эти новые веяния, думаю, долго не продержатся, и дело даже не в том, что органы станут копаться в прошлом этой девочки, возможно, сейчас им не до того, но... Надо же учитывать человеческий фактор!

– То есть?

– Ты думаешь, у меня мало завистников? Да пруд пруди! И уж они обязательно до всего докопаются, можешь не сомневаться. А если этот факт всплывет, меня обязательно турнут. И, скорее всего, просто на пенсию, мне уж шестьдесят один год. А я не хочу. Я еще в силах, я могу пригодиться своей стране...

– Папа, я тебя умоляю... – поморщился Платон.

– Да погоди ты, торопыга! Я сам не хочу, чтобы ты упустил эту девушку. В наши дни такая порядочность редко встречается. Давай-ка мы сделаем так, как она предлагает.

– То есть?

– Вы поженитесь, но без помпы и без регистрации. А неза-

конные связи моего сына – это его незаконные связи. Вы даже можете жить у нас...

– А как же мама?

– Знаешь что, Тоник? Давай сперва их познакомим.

– И дальше что?

– Если она маме понравится, мы все скажем, и она понравится ей еще больше. Ну, а если не понравится... то мама обрадуется, что вы не будете официально жениться. Но учти, жить вам лучше все-таки будет у твоей Евы, благо есть где.

– Ох, пап, видел бы ты эту квартиру...

– Ничего, ишь барин какой! Да мы с твоей матерью вообще в бараке жили... Ну, сделаем там ремонт, мебелишку какую-никакую подыщем. Нормально, сын. Она готовить-то умеет?

– Еще как! А какие пельмени делает!

Ева понравилась родителям Платона. Даже очень.

– Не ожидала от тебя, Тоник, что ты такую девушку выберешь, – качала головой мама Майя Тарасовна. – Не профурсетка какая-нибудь... И честная... Могла же и промолчать... И еще слава Богу, что не мать у нее еврейка, а отчим.

– Мама! О чем ты говоришь? – закричал прогрессивно настроенный сын.

– Ох, Тоник, я знаю, что говорю. Иногда и половинки еврейской крови хватает, чтобы испортить карьеру.

– Мама, это фашизм!

– Много ты понимаешь, дурачок.

– Да, Томас Манн, кажется, говорил, что фашизм и коммунизм – это враждующие братья.

– Замолчи, болван! – крикнул отец. – Чтобы я этого в своем доме не слышал. Ты не от Евы этого набрался, надеюсь?

– Нет, представь себе, от старшего брата, папочка. Но, вообще-то, у меня и своя голова на плечах есть.

Отец погрозил ему кулаком и ушел спать. Платон был убежден, что отец в душе разделяет точку зрения Томаса Манна, однако долгие годы службы в МИДе отучили его даже думать так, не то что говорить вслух.

Еве родители Платона тоже понравились. Они были ласковы с ней, но дело даже не в этом. Там была семья, настоящая семья, отец, мать, сыновья. Красивая, богатая квартира, стол ломился от вкусных вещей, которых Ева никогда даже не видела. Майя Тарасовна сказала, что официальной свадьбы, конечно, устраивать нельзя, но они дадут денег, чтобы Платон и Ева поехали в августе на Юг, а пока они там будут как бы в свадебном путешествии, Майя Тарасовна сделает ремонт в Евиной квартире.

– Ты молодец, Евка, – заключила подруга Женька. – Как ты проунькала, что они оценят твою честность? Хорошие, значит, люди... Другие даже и слышать бы о тебе не захотели, а эти... Постой, а может, это они от радости, что вы расписываться не будете?

– Может, и от радости... Мне как-то все равно.

– Но теперь ты уж точно будешь как сыр в масле кататься.

А то с ног сбиваешься, чтобы с голоду не подохнуть.

– С ног я не сбиваюсь, – усмехнулась Ева. – Я просто сбиваю руки.

Отчим оставил ей в наследство пишущую машинку «Ундервуд», научил печатать слепым методом, и даже подыскал клиентуру. Поэтому каждую свободную минутку Ева сидела за машинкой. За это платили не много, но жить все же было легче. Правда, совсем не было времени. Но это ничего, так даже лучше, некогда думать о Георгии Ивановиче. А вчера пришло письмо от бабки: «Евушка, как ты там? Летом не приедешь? У нас все вроде как было. Только вот сосед мой дорогой, Георгий Иванович, съехал. Помиловка ему вышла, что ли, одним словом, сняли с него обвинение и уехал он к себе в Ленинград. Хороший человек, дай ему Бог. А ты что, с Шуркой поругалась? Она что-то о тебе понасёрки плетет, будто у тебя в Москве полюбовник завелся? Гляди, девка, если эта сучонка не брешет... А куда мать твоя смотрит? Или это Шурка со злости? Очень я, Евушка, беспокоюся. Отпиши мне, как все у тебя обстоит. А то, может, приедешь на каникулы? Остаюсь твоя бабка Варвара».

Георгий Иванович уехал в Ленинград... А мне-то что? Я замуж выхожу... Ей вдруг стало грустно, тоска навалилась. И что я за дура? Меня такой парень любит и женится на мне, пусть и неофициально, да разве это имеет значение? И семья у меня будет, самая настоящая семья, и будущая свекровь уже начала обо мне заботиться. Надарила шмоток загранич-

ных... И ремонт собирается делать и вообще, все у меня хорошо... Просто замечательно, я везучая, о таком женихе любая девчонка может только мечтать... Все равно, Георгию Ивановичу я сто лет не нужна. Он серьезный, взрослый, он прошел такое... ему не до глупой студенточки...

И Ева села за учебники. На носу сессия.

2007 год

Возвращаясь с пляжа, Лали всегда сворачивала с дорожки и шла через лужайку, чтобы войти в номер со стороны веранды. Идти босиком по траве так приятно! И вдруг на плетеном столике она увидела крупную темно-красную розу в узкой вазочке простого стекла. Роза была свежайшая, с капельками воды на лепестках и сильно пахла. Петька постарался, с нежностью подумала она. Он такой заботливый... После смерти отца, которого он боготворил, все время старается быть ко мне внимательным и нежным...

Она приняла душ, переделась, вышла босиком на лужайку и развесила купальник на ветвях старой оливы, сейчас пригретых солнцем. Потом взяла в руки вазочку и внесла в комнату. И когда это он успел?

– Лали? Ты дома?

– Петька, привет! Спасибо за розу, я все оценила!

– Мам, ты что, какая роза?

– Вот!

– Мам, это не я, честное слово! Я, конечно, кретин, мог

бы и сообразить, но, увы...

– Петька, не ври!

– Мам, я не вру!

– Но тогда откуда... О, это, наверное, от гостиничной администрации... Скорее всего, судя по вазочке.

– Нет, Лали, это от поклонника.

– От поклонника? В вазочке? Нереально. К тому же тут у меня нет поклонников.

– Есть. Тот дядька, с которым мы из Керкиры ехали. Он на тебя запал, это видно невооруженным глазом. Кстати, мам, я хотел давно сказать, просто боялся трогать эту тему... Мам, если ты заведешь роман или, еще лучше, выйдешь замуж, я буду только рад. Учти это. Никакой ревности или обиды за папу... Ты молодая, красивая, что ж тебе пропадать?

– Петенька, родной, это глупости. Я так любила папу, я вытащила в жизни такой счастливый билет, что... Я невольно любого буду сравнивать с папой и любой проигрывает в сравнении с ним. Любой.

Он подошел, обнял ее.

– Мам, но что ж тебе, в монастырь уйти? Ладно, замуж не хочешь, я понимаю, но роман хоть заведи...

– Тебе-то это зачем?

– Мам, я хочу видеть, как у тебя блестят глаза...

– А что? У меня такой несчастный вид?

– Не несчастный, нет... Но... безжизненный что ли... Хотя тебе никто не дает твоих лет, а меня принимают за твоего

любовника.

– Уже нет, – улыбнулась Лали.

– Откуда ты знаешь?

– Я сама призналась, что ты мой сын.

– Кому призналась?

– Тому самому дядьке. Он предложил мне послать куда подальше юного любовника, который вечером оставил одну несчастную стареющую женщину. Пришлось признаться.

– А вместо меня предложил себя?

– Не впрямую, но намекнул.

– Точно, это от него роза.

– С вазочкой? Чушь.

– А я вот сейчас узнаю.

Он заметил идущую мимо горничную с охапкой пледов. Выскочил к ней и заговорил о чем-то. И через минуту вернулся.

– Мам, она никаких цветов в номер не ставила!

1987 год

Ева ехала вниз по эскалатору. И вдруг сердце подскочило к горлу и ухнуло в пятки. На соседнем эскалаторе поднимался Георгий Иванович! На мгновение они встретились глазами. Он узнал ее... Но она ехала вниз, а он вверх. Их пути опять разошлись? НЕТ, я так не могу! Ева кинулась вниз, растолкала людей, ждущих возможности ступить на эскалатор, и стала продираться сквозь стоящих слева и справа пас-

сажиров. Господи, только бы он не ушел, только бы не ушел!

– Девушка, вы чего пихаетесь?

– Вот оглашенная!

– Куда прешься, лярва?

– Дура ненормальная! – неслось ей вслед. Но вот она выбежала в вестибюль, озираясь по сторонам. Его не было. Ушел! Она выскочила на улицу и сразу увидела его. Он стоял на ветру, пытаясь раскурить сигарету. От радости, что он, по-видимому, ждет ее, она вдруг обессилела. Он еще не видел ее, борясь с непослушными спичками. Руки у него дрожали. На нем была потертая до белизны коричневая кожаная куртка, вылинявший голубой свитер. Он был хорошо выбрит, седые волосы пострижены коротким ежиком.

– Георгий Иванович! – собралась с духом Ева. – Георгий Иванович!

– Ева?

– Вы в Москве? Бабушка писала, что вы уехали в Ленинград...

– Ева, но ты ведь куда-то ехала...

– Ну и пусть... Неважно...

– Ты бледненькая...

– Ну и что? Я плохо выгляжу? Я вам не нравлюсь?

– Ну что ты... Ты красавица...

– Вы кого-то ждете здесь? – вдруг осенило ее.

– Да. Жду. Товарища одного. Ева, вот что... Дай мне свой телефон и скажи, когда будешь дома.

– Ладно, я уйду... Не буду вам мешать... Но я знаю, вы не позвоните. Прощайте, Георгий Иванович.

– Ева! Постой... Не уходи. Я с товарищем только на минутку встречусь, а потом... Потом поговорим, хорошо?

Он вдруг увидел, как она расцвела от его слов. Взял ее за руку. Обоих как будто ударило током.

– Ева, Ева... – бормотал он, заморожено глядя ей в глаза.

Значит, он не с женщиной тут встречу назначил! Он не хочет, чтобы я уходила...

И в самом деле, через несколько минут к нему подошел какой-то мужик.

– Иваныч, здорово!

– Здорово.

Они обнялись.

– Прости, Иваныч, со временем зарез, после поговорим. Вот, держи, – мужик передал Георгию Ивановичу какой-то конверт.

– Спасибо. Завтра увидимся.

– Иваныч, это что, дочка твоя?

– Нет, – хрипло засмеялся тот. – Это моя... невеста.

Тот схватился за голову.

– Прости, Иваныч! Ну ты даешь! А невеста – чудо!

Ева обомлела. Или ей все это причудилось? Не мог же он и в самом деле назвать ее невестой...

– А свадьба-то когда?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.